

— Юй Нин! На грим!

— Иду, — Сюй Цичэнь поспешно покинул импровизированное «место преступления», где у него едва не похитили сердце.

— Режиссёр Чэнь сказал снять утреннее пробуждение, пока окончательно не стемнело. Вот костюм, — стилист протянула ему широкую футболку. — Надевай, а мы пока займёмся причёской.

Постельная сцена, назначенная на вечер, разворачивалась ближе к финалу истории: Нанькэ находит напившегося в баре Юй Нина и приводит его в отель. Сразу за этим эпизодом следовала сцена, где Юй Нин просыпается в номере совершенно один. Поскольку в кадре он находился без партнёра, сначала решили отснять именно его утреннее пробуждение, а уже потом заново гримировать под пьяные похождения в баре.

«Эх... Опять засосы рисовать».

Терпеливо дождавшись, пока гримёр закончит работу, Сюй Цичэнь отправился в подготовленный номер. Задача стояла предельно простая: Юй Нин просыпается, осознаёт, что в постели никого нет, поднимается и оседает у окна.

— Нужно передать щемящее чувство опустошённости. Сяо Чжан, заходи вот с этого угла, работай с рук.

Под руководством Чэнь Аньпина дубль приняли лишь с четвёртой попытки. Даже оператор не удержался от восхищённого вздоха: такое лицо идеально создано для атмосферы тоскливой, изнеможённой неги.

Едва завершив съёмку, Сюй Цичэнь помчался менять образ и грим под обстановку бара.

— Румян достаточно? — поинтересовалась девушка-визажист, поглядывая в зеркало.

Сюй Цичэнь и сам толком не знал — он понятия не имел, как выглядит в доску пьяным. Сидевший неподалёку Линь Жань подал голос:

— Хватит. По ходу съёмок сам покраснеет.

Девушка прикрыла рот ладонью, сдерживая смешок, а Сюй Цичэнь лишь смущённо пробормотал:

— Ладно, пусть будет так. Спасибо за работу.

Декорации номера вновь перестроили. Сцена с участием обоих актёров должна была стартовать прямо от лифтового холла. Когда всё подготовили, Линь Жань подхватил Сюй Цичэня под руки. Чтобы правдоподобно изобразить пьяное бессилие, Сюй Цичэню пришлось практически всем весом навалиться на партнёра.

— «Нанькэ», сцена семидесятая, дубль первый. Погнали!

Хлопушка звонко щёлкнула, и Нанькэ, таща на себе хмельного Юй Нина, вывалился из лифта, спотыкаясь на каждом шагу по пути к люксу.

— Где ключ-карта?

Юй Нин уткнулся невнятной, отяжелевшей головой в плечо Нанькэ:

— Карта... в кошельке...

— Снято! Снято! — остановил процесс Чэнь Аньпин. — Юй Нин, опьянение выглядит наигранно. Слишком видно, что ты пытаешься изобразить хмель, нет достоверности. Подумай ещё над образом.

Сюй Цичэнь тут же отстранился от плеча Линь Жаня:

— Понял. Извините, мой косяк.

Изображать состояние опьянения и впрямь оказывалось задачей не из лёгких. Когда Сюй Цичэнь напивался по-настоящему, память напрочь отключалась — откуда ему знать, как он себя ведёт?

— Режиссёр, а можно мне глотнуть немного алкоголя?

Ход был рискованным: опьяней он слишком сильно — и съёмки сорвутся. Однако Чэнь Аньпин уже ужинал с ним и прекрасно знал его предел, а потому, немного пораскинув мозгами, согласился:

— Только ради чувства меры. Чуть-чуть, не переборщи.

Он тут же велел ассистенту принести бутылку красного вина из реквизита и нацедил полбокала.

Сюй Цичэнь принял бокал обеими руками:

— Спасибо.

Желая сберечь съёмочное время, он залпом опрокинул всё содержимое в горло.

— Зачем так торопиться? Быстро в голову ударит, — нахмурился Линь Жань.

— Всё в порядке, — Сюй Цичэнь сделал пару глубоких вдохов. — Режиссёр, я готов.

— Ладно, работаем сначала.

— «Нанькэ», сцена семидесятая, дубль второй. Погнали!

Двери лифта, коридор, пьяные шаги по мягкой ковровой дорожке.

— Где ключ-карта?

Алкоголь ещё не успел толком ударить в кровь, но сам факт его присутствия подействовал психологически — Сюй Цичэнь окончательно поверил в происходящее и погрузился в нужный настрой.

Юй Нин бессильно прильнул головой к плечу Нанькэ:

— Карта... в кошельке...

Освободив одну руку, Нанькэ выудил из его кармана портмоне и с неловкостью стал нащупывать пластиковую карточку в узких отделениях.

Есть. Нащупал.

Едва он вытянул карту, как из портмоне выскользнула и упала на пол фотография.

Лишившись опоры, Юй Нин повалился назад. Нанькэ попытался подхватить его, но тот увлёк его за собой, и они вместе рухнули на пол. Единственное, что успел сделать Нанькэ — инстинктивно подставить ладонь, защищая затылок парня от удара.

Нанькэ мысленно перевёл дух: благо, коридор устилал толстый ковёр.

Собираясь подняться и поднять за собой полубессознательное тело, он зацепился взглядом за упавший снимком вниз кусочек бумаги.

Фотография лежала рубашкой вверх. Рука Нанькэ самовольно потянулась, чтобы перевернуть её, но внутри закралось сомнение.

«Может, кто-то из бывших любовников?»

И всё же он поднял снимок. Вещь, которую носят в кошельке у самого сердца, наверняка представляет огромную ценность.

Перевернул.

На снимке застыл залитый ослепительным солнцем кадр: кофейня, стеклянная витрина и он сам — юный, зелёный, семь лет назад.

Сердце на мгновение замерло.

«Что до меня...»

«Я — птица, пуганная стрелой».

«Мой взгляд на любовь слишком пессимистичен. Можно сказать, я и есть та самая птица».

Прохладные пальцы сжали отворот его рукава. Нанькэ очнулся от оцепенения и опустил взгляд на Юй Нина, глядевшего на него сквозь полуприкрытые веки.

— Нань... Кэ...

Этих двух слогов хватило, чтобы сокрушить и сжечь дотла остатки его хладнокровия и самообладания. Сжав снимок в кулаке, Нанькэ рывком поднял парня с пола и отпер дверь номера.

В непроглядной тьме он прижал Юй Нина к стене. Чувства накрыли его безудержной океанской волной. Всё ещё хмельной и дезориентированный, Юй Нин, очутившись в этой стальной хватке, лишь жалобно сглотнул и тихо промычал что-то вопросительное. Словно раненое зверьё, он тщетно старался сфокусировать смутный взгляд на стоящем перед ним человеке.

Нанькэ жадно вонзился в эти давно не целованные губы, словно замороженный смертоносной красотой диковинного цветка.

— Ммм... — В сознании Юй Нина на краткий миг проскочила вспышка ясности, и он попытался из последних сил оттолкнуть непрошеного захватчика.

Барахтаясь, он случайно задел локтём выключатель на стене. Прихожую озарил яркий свет. Юй Нин зажмурился от внезапного всплеска лучей, а Нанькэ, отчётливо разглядев его лицо, окончательно потерял контроль над вспыхнувшей страстью.

Терзая его губы в иступлённом поцелуе, он сбивчиво шептал:

— Юй Нин... Юй Нин...

Тот отвечал ему затуманенным взглядом — влажный взгляд скользил по лицу Нанькэ, но словно сквозь него.

Нанькэ сжал его плечи:

— Смотри на меня. Смотри на меня!

Юй Нин едва заметно нахмурился.

— Я Нанькэ.

Едва прозвучало это имя, как Юй Нин вдруг расплылся в улыбке — точно ребёнок, получивший долгожданную сладость. Его палец легко скользнул вниз по переносице Нанькэ, а губы прошептали:

— Нанькэ...

В этот миг последняя натянутая струна разума с треском лопнула.

Сцепившись в горячем поцелуе, они преодолели путь от прихожей до самой спальни.

В момент, когда они обрушились на кровать, рука Нанькэ скользнула ниже, но парень инстинктивно увернулся.

— Снято!

Сюй Цичэнь ожидал этого крика.

— Извините, извините! Мне просто стало ужасно щекотно, — Сюй Цичэнь сел на постели.

Талия у него была чрезвычайно чувствительной к прикосновениям.

Линь Жань тоже это заметил.

— В следующем дубле я постараюсь не трогать талию.

Сюй Цичэнь всё ещё чувствовал неловкость из-за того, что сорвал дубль:

— Если касаться слишком слабо — щекотно, — он протянул руку и продемонстрировал нужную силу нажатия прямо на Линь Жане. — Трогать можно, только сжимай сильнее.

Линь Жань лишь молча вздохнул про себя.

«И как у него только получается говорить такое с настолько серьёзным видом?»

«Это же чистой воды провокация».

<http://bllate.org/book/20431/2151708>